

КАРЕЛЫ

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
КАРЕЛЬСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

КАРЕЛЫ КАРЕЛЬСКОЙ АССР

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1983

115080к

63.5(2P-6K)

К 22

1992 г.

Утверждено к печати ученым советом
Института языка, литературы и истории
Карельского филиала АН СССР

Рецензенты: зав. восточнославянским сектором Института этнографии СССР член-корреспондент АН СССР К. В. Чистов; старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР доктор исторических наук З. В. Степанов; младший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР кандидат исторических наук Ю. Н. Беспярых

Редакционная коллегия: кандидат исторических наук А. С. Жербин (руководитель), доктор филологических наук Г. М. Керт, кандидат исторических наук К. А. Морозов (зам. руководителя), кандидат исторических наук Ю. А. Савватеев, доктор исторических наук И. П. Шаскольский

Карелы Карельской АССР/Ин-т яз., лит. и истории Карел.
К 22 филиала АН СССР.— Петрозаводск: Карелия, 1983.— 288 с.,
ил.

Книга представляет собой комплексное исследование. В нем рассмотрены проблемы этнической и социально-экономической истории карел, населяющих Карельскую АССР. Важнейшее место уделено вопросам образования советской национальной государственности карел, формирования и развития карельской социалистической народности в единой семье советских народов, достижениям трудящихся республики в социалистическом и коммунистическом строительстве.

Авторы исследования — сотрудники ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР, ведущие специалисты по археологии, истории, этнографии, языку, социологии карел.

К 0505040000—066 1—83
M127(03)—83

63.5(2P-6K)
© Карелия, 1983

Глава третья КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК

1. Карельский язык в семье финно-угорских языков

Язык — один из главных отличительных признаков народности. На земном шаре насчитывается около четырех тысяч языков. Большинство их образуют так называемые языковые семьи, которые характеризуются общностью происхождения и определенными сходствами в структуре.

Карельский язык относится к финно-угорской семье языков. Установлено, что в финно-угорских языках насчитывается свыше 1000 слов общего происхождения. Для сравнения приведем некоторые лексические соответствия по различным группам финно-угорских языков:

Карельский	Мордовский	Саамский	Коми	Венгерский	
mie	mon	monp	me	en (engem)	'я'
piä	pe	—	pon	fej	'голова'
šilmä	sel'me	čal'm'	sin	szem	'глаз'
tul'i	tol	toll	til-kört	—	'огонь'
kala	kal	kul'l'	—	hal	'рыба'
käsi	ked'	kidd	ki	kéz	'рука'
talvi	tele	tal'v	töl	tél	'зима'

Первоначальной родиной финно-угров, основным занятием которых были охота и рыболовство (в какой-то мере также скотоводство и земледелие), большинство ученых считает бассейн р. Камы до Урала. По своей социальной организации это было родовое общество. Около 2500—3000 лет до н. э. роды, составлявшие финскую и угорскую ветви, разошлись.

Примерно в I тысячелетии до н. э. (а может быть, несколько раньше) к Балтийскому морю стянулось население, которое принято называть прибалтийско-финским, — языковые предки современных карел, финнов, вепсов, эстонцев и др. Некоторые ученые предполагают, что побережье Прибалтики было заселено прибалтийско-финскими племенами уже в III тысячелетии до н. э.

Как самостоятельное этническое образование племя корела выкристаллизовалось до IX в. Д. В. Бубрих отмечает: «Первое

упоминание Корелы как Kirjala содержится в Эгиль-саге, которая, хотя записана и довольно поздно, признается хорошо отражающей старину. Согласно этой саге, в 874 г. разгорелась война между квенским вождем Фаравидом (квены были выходцами из Ями, действовавшими у северной части Ботнического залива) и Корелой». Территориально племя занимало западное побережье Ладожского озера. Безусловно, до этого периода племя корела составляло более тесное единство с другими прибалтийско-финскими племенами (емь, сумь, весь, эсты и др.), о чем свидетельствуют значительные общие черты как в фонетике и грамматике этих языков, так и в словарном составе. Во всех прибалтийско-финских языках главное ударение падает на первый слог и второстепенные — на каждый нечетный, кроме последнего. Для всех этих языков (кроме вепского) характерно чередование ступеней согласных. Большинству прибалтийско-финских языков присуща гармония гласных. Во всех прибалтийско-финских языках произошли некоторые общие фонетические исторические процессы.

В области морфологии для прибалтийско-финских языков свойственны следующие общие признаки: наличие в них от 10 до 15 падежей (в вепском, в связи с поздним развитием падежей из послелогов, их значительно больше); для падежной системы этих языков характерно деление местных падежей на внутреннеместные и внешнеместные; наряду с предлогами в них имеются и послелоги. Глагол в прибалтийско-финских языках имеет сложные времена (перфект и плюсквамперфект).

Характерным явлением синтаксиса прибалтийско-финских языков, отличающим их от других финно-угорских языков, является согласование определяемого слова с определяющим в числе и падеже.

Особенно ярко языковое родство карельского с другими прибалтийско-финскими языками проявляется в лексике:

Карельский	Финский	Вепский	Эстонский	
korva	korva	korv	korv	'ухо'
nenä	nenä	nena	nina	'нос'
oŕča	otsa	oc	ots	'лоб'
rinta	rinta	rind	rind	'грудь'
sormi	sormi	sor'm	sõrm	'палец'
lakši	lahti	лаht	laht	'залив'
koški	koski	kos'k	kosk	'порог', 'водопад'
tuuli	tuuli	tul'i'i	tuul	'ветер'

Карельский язык на всей территории проживания карел разделяется на ряд наречий и более мелких территориальных языковых единиц — диалектов, говоров. Речь карел на территории КАССР не имеет единого центра с плавно расходящимися по пери-

фери языковыми различиями, а представляет собой резко очерченные ареалы со свойственными каждому из них характерными особенностями. Эти особенности проявляются в фонетике, морфологии и лексике.

В советском финно-угроведении принято следующее деление карельского языка. Карельский язык содержит три наречия: собственно карельское (в средней и северной Карелии, а также в Калининской, Ленинградской и Новгородской областях), ливвиковское (у восточного побережья Ладожского озера и дальше в глубь Олонецкого перешейка) и людиковское (узкой полосой вдоль восточного края ливвиковского наречия, недалеко от Онежского озера). Наречия разбиваются на диалекты, а те, в свою очередь, на говоры. В некоторых ареалах распространения карельской речи наблюдается резкое противопоставление собственно карельской речи, с одной стороны, и ливвиковской и людиковской, с другой, настолько существенное, что иногда затрудняет взаимопонимание представителей различных наречий.

Наиболее существенными признаками произношения, характеризующими наречия карельского языка, являются конечная огласовка слова и постановка чередования ступеней согласных. На месте конечных а (ä) собственно карельского наречия в ливвиковском наречии в определенных случаях выступает и (u), а в людиковском наречии эти гласные либо опадают, либо переходят в е или о (ö):

Собственно карельское	Ливвиковское	Людиковское	
orava	oravu	orav	'белка'
huara	huabu	huabe	'осина'
valta	valdu	valde	'власть'
isäntä	ižändu	ižände	'хозяин'

Чередования могут быть количественные (например удвоенные согласные kk, tt, pp чередуются с одиночными k, t, p) и качественные (например k чередуется с v или сочетание nt чередуется с nn).

В собственно-карельском наречии представлены как количественные, так и качественные чередования согласных. В ливвиковском наречии имеются количественные чередования, однако отсутствуют качественные чередования сочетаний ht, st, tk. В людиковском наречии имеются лишь количественные чередования. Это хорошо видно, если мы поставим имена в единственном и множественном числе (где слог закрыт):

Собственно карельское	Ливвиковское	Людиковское	
hukka—hukat	hukku—hukat	hukke—hukat	'волк'
aitta—aitat	aittu—aitat	aifte—aitat	'амбар'
joki—jovet	jogi—jovet	d'ogi—d'oget	'река'
tapa—tavat	taba—tavat	taba—tabat	'обычай'
halgo—halot	halgo—hallot	halg—halgot	'полено'

ranta—rannat	randu—rannat	rande—randat	'берег'
laštu—laššut	lastu—lastut	lastu—lastut	'щепка'
matka—matat	matku—matkat	matk—matkat	'путь'

Морфологические различия проявляются прежде всего в падежной системе. Для собственно карельского наречия характерны три внутреннеместных падежа: инессив, иллатив и элатив — и два внешнеместных: аблатив и адессив. В ливвиковском и людиковском наречиях элатив совпадает с инессивом, а аблатив — с адессивом.

Собственно карельское наречие отличается от ливвиковского и людиковского также по образованию возвратных форм глагола и форм 3-го лица единственного числа имперфекта. В людиковском наречии имеются своеобразные начинательные формы глагола.

Имеются также различия в словарном составе. Поскольку различия в нем нивелируются быстрее (словарные заимствования наиболее мобильны), трудно найти слова, четко отграничивающие указанные наречия карельского языка. Да и сами границы между наречиями в силу естественных причин размываются. Говоря о различиях в словарном составе между диалектами, можно говорить только о словах, которые свойственны большей группе диалектов того или иного наречия:

Собственно карельское	Ливвиковское	Людиковское	
vašep	hurai	hura	'левый'
vuattiet	sovat	sobat	'одежда'
kirppu	čondžoi	čondžoi, sonzar	'блоха'
pakšu	järei, sangei	däred	'толстый'
äkie	räkki	räkk	'жарко'
valehella	kielastua	kielastada	'лгать'
malttua	ellendiä	elgetä	'понимать'

Таким образом, в фонетике, морфологии и отчасти в лексике сохранились следы древнего противостояния собственно карельского наречия, с одной стороны, и ливвиковского и людиковского наречия, с другой стороны. Это противопоставление обусловлено глубокими историческими причинами. В соответствии с теорией Д. В. Бубриха, ливвиковское и людиковское наречия карельского языка имеют под собой вепскую основу. Это привело Д. В. Бубриха к выводу, что карельский народ сформировался из значительных частей племени корела и отдельных частей племени весь. В период создания карельской автономии и особенно в связи с созданием в 30-х г. письменности на карельском языке несколько усилился процесс консолидации карельских диалектов и стирания диалектных различий. Однако этот процесс до конца не завершился.

Когда говорят об особенностях какого-либо языка, обычно сравнивают его либо с близкородственным, либо с другим языком, который хорошо знают. Карельский и русский языки принадлежат к различным языковым семьям; различаются они и типологически, т. е. по своему строю. Вместе с тем, как у всех языков мира, у них имеются общие черты.

Поскольку карельский язык длительное время находился во взаимодействии с русским языком, в его звуковом строе выработались отдельные черты, свойственные русскому языку. Вполне вероятно, что звонкие и мягкие согласные в большинстве случаев появились во многих карельских диалектах под влиянием русского языка. К характерным особенностям звукового строя карельского языка можно отнести наличие долгих согласных, сложных звуков *dž*, *dz*. Специфической для карельского языка является гармония гласных, сущность которой заключается в том, что, если в первом слоге выступают передние гласные *ä*, *ö*, *y*, то и в последующих слогах слова появляются гласные переднего ряда. Если в первом слоге выступают задние гласные *a*, *o*, *u*, то и в последующих слогах — гласные этого же ряда. Исключение составляют гласные *e* и *i*, которые могут появляться в словах с гласными как переднего, так и заднего ряда. Гласные также противопоставляются на краткие и долгие, долгота имеет смыслоразличительный характер, например: *tuli* 'огонь' — *tuuli* 'ветер'. Характерными для карельского языка являются дифтонги (в некоторых диалектах — трифтонги). Дифтонги (трифтонги) — это сочетание двух (трех) гласных, произносимых в одном слоге.

Карельский язык типологически принадлежит к так называемым агглютинирующим языкам (от латинского слова *agglutino* 'приклеивать, прикреплять'). Это значит, что каждый грамматический показатель имеет только одно грамматическое значение и присоединяется («приклеивается») в определенном порядке либо к корню слова, либо к другому форманту. Например, в карельской словоформе *kot'i—loi-ssa* 'в домах', при слове *kot'i* 'дом' показатель *-loi-* обозначает множественность, *-ssa* — нахождение внутри. (Сравни в русском: в дом-ах, где показатель *-ах* обозначает и нахождение внутри, совместно с предлогом «в», и множественное число.) Наряду с агглютинацией в карельском языке имеется довольно развитая система чередований ступеней согласных и гласных основы слова.

В карельском языке в основном такие же части речи, как и в русском. Исключение составляют послелогои, которые несут такую же функцию, как и предлоги, но стоят после управляемого ими имени существительного, например: *talon kohašša* 'напротив дома'.

Имя существительное в собственно карельском наречии имеет 12 падежей (в калининских диалектах — 13):

Падеж и его значение	Показатель падежа	Единственное число	Множественное число
	hammaš' 'зуб'		
1. Номинатив (кто? что?)	-, -t	hammaš	hampahat ¹
2. Генитив (кого? чего?)	-n, -en	hampahan	hampahien
3. Аккузатив (кого? что?)	-, -n, -t	hampahan hammaš	hampahat
4. Партитив (кого? чего?)	-ta, -e	hammašta	hampahie
5. Инессив (в ком? в чем?)	-šša (-ssa)	hampahašša	hampahissa
6. Элатив (из кого? из чего?)	-šta (-sta)	hampahašta	hampahista
7. Иллатив (в кого? во что?)	-h	hampahah	hampahih
8. Адессив (у кого? у чего?)	-lla	hampahalla	hampahilla
9. Аблатив (от кого? от чего?)	-lta	hampahalta	hampahilta
10. Эссив (быть кем? чем?)	-pa	hampahana	hampahina
11. Транслатив (стать кем? чем?)	-kši (-ksi)	hampahakše	hampahikse
12. Абессив (без кого? без чего?)	-tta	hampahatta	hampahitta

По этим падежам склоняются также прилагательные, числительные, местоимения.

Признаком множественного числа являются в номинативе и аккузативе -t, в других косвенных падежах -i- или -loi- (löi-). Категория притяжательности представлена суффиксами 2-го и 3-го лица единственного числа, которые присоединяются к именам существительным, обозначающим близких родственников, например: *tautto-s* 'твой отец', *tuatto-h* 'его отец'. Грамматический род отсутствует.

Глагольные формы разделяются на личные (финитные) и неличные (инфинитные). Личные формы глагола изменяются по трем лицам, двум числам, четырем формам времени: двум простым (презенс и имперфект) и двум составным (перфект и плюсквамперфект). Глаголы имеют четыре наклонения: изъявительное (имеет все четыре формы времени), сослагательное (презенс и перфект), возможностное (презенс и перфект) и повелительное (презенс).

¹ Формы имени и глагола и последующие примеры, если они особо не оговариваются, приводятся по собственно карельскому наречию (калевальский диалект).

Изъявительное наклонение

šano 'сказать'

Презенс

Утвердительная форма		Отрицательная форма	
Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. mie šanon	työ šanomma	en šano	emmä šano
2 л. šie šanot	työ šanotta	et šano	että šano
3 л. hiän šanou	hyö šanotah	ei šano	ei šanota

'я говорю, скажу', 'ты говоришь, скажешь' и т. д.

Имперфект

1 л. šanoin	šanoma	en šanon	emmä šanon
2 л. šanoit	šanoja	et šanon	että šanon
3 л. šano	šanottih	ei šanon	ei šanottu

'я говорил, сказал', 'ты говорил, сказал' и т. д.

Перфект

1 л. olen šanon	olemma šanon	en ole šanon	emmä ole šanon
2 л. olet šanon	oletta šanon	et ole šanon	että ole šanon
3 л. on šanon	on šanottu	ei ole šanon	ei ole šanottu

'я говорил, сказал', 'ты говорил, сказал' и т. д.

Плюсквамперфект

1 л. ol'in šanon	ol'ima šanon	en ollun šanon	emmä ollun šanon
2 л. ol'it šanon	ol'ija šanon	et ollun šanon	että ollun šanon
3 л. ol'i šanon	ol'i šanottu	ei ollun šanon	ei oltu šanottu

'я говорил, сказал' (в прошлом), 'ты говорил, сказал' (в прошлом) и т. д.

Сослагательное наклонение

Презенс

Утвердительная форма		Отрицательная форма	
Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. šanosin	šanosima	en šanois	emmä šanois
2 л. šanosit	šanosija	et šanois	että šanois
3 л. šanois	šanottais	ei šanois	ei šanottais

'я сказал бы' (сейчас или в будущем), 'ты сказал бы' и т. д.

Перфект

1 л. olisin (oisin) šanon	olisima (oisima) šanon	en olis (ois) šanon	emmä olis (ois) šanon
2 л. olisit (oisit) šanon	olisija (oisija) šanon	et olis (ois) šanon	että olis (ois) šanon
3 л. olis (ois) šanon	olis (ois) šanottu	ei olis (ois) šanon	ei olis (ois) šanottu

'я сказал бы' (в прошлом), 'ты сказал бы' и т. д.

Возможностное наклонение

Презенс

Утвердительная форма		Отрицательная форма	
Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. šanonen	šanonemma	en šanone	emmä šanone
2 л. šanonet	šanonetta	et šanone	että šanone
3 л. šanopou	šanottaneh	ei šanone	ei šanottane

'возможно, я скажу', 'возможно, ты скажешь' и т. д.

Перфект

1 л. ollen šanon	ollemma šanon	en olle šanon	emmä olle šanon
2 л. ollet šanon	olletta šanon	et olle šanon	että olle šanon
3 л. ollou šanon	ollou šanottu	ei olle šanon	ei olle šanottu

'возможно, я сказал', 'возможно, ты сказал' и т. д.

Повелительное наклонение

Презенс

Утвердительная форма		Отрицательная форма	
Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. —	—	—	elkä šanokka
2 л. šano	šanokkua	elä šano	elkyä šanokkua
3 л. šanokkah	šanokkah	elkäh šanokkah	elkäh šanokkah

'скажи', 'пусть он скажет' и т. д.

К неличным (т. е. не изменяемым по лицам, числам, наклонениям) формам глагола относятся активные и пассивные причастия законченного и незаконченного действия, пассивные причастия на -та (-mä), отрицательные причастия на -matoin (-mätöin), а также герундии (в грамматиках финского языка он квалифицируется как II и III инфинитивы).

Словообразование имен существительных и прилагательных с помощью суффиксов довольно продуктивно. Наиболее продуктивны суффиксы — и (у): itku 'плач' от itkie 'плакать'; -uš (yš): kauneuš 'красота' от kaunis 'красивый'; -nta (-ntä): vejäntä 'перевозка' от vetyä 'возить'; -min'i: süömini 'еда' от šyuvvä 'есть', 'кушать'; -ja (-jä): eläjä 'житель' от elyä 'жить'; -kko (-kkö): koivikko 'березняк' от koivu 'береза'; -n'i: lintun'i 'птичка' от lintu 'птица'; -kaš (-käš): vuahikaš 'пенистый' от vuahti 'пена'; -hko (-hkö): viluhko 'холодноватый' от vilu 'холод' и др. Имена существительные образуются также путем словосложения.

Особенно продуктивным является суффиксальное словообразование глаголов. Глаголы карельского языка не различают законченность или незаконченность действия, как в русском языке. Однако словообразовательные суффиксы глаголов в карельском языке могут передавать оттенки протекания действия, например мгновенности, длительности, однократности, многократности и пр.:

ка́щuo 'смотреть' — ка́саhtua 'посмотреть', laške 'пускать' laškehtua 'выпустить быстро', muistua 'помнить' — muissella 'вспоминать'. С помощью суффиксов выражаются также значения понудительности и возвратности, например: palua 'гореть' — polttua 'жечь (букв.: «заставлять гореть»)'; peššä 'мыть' — pešeutyö 'мыться'.

Лексика карельского языка исторически состоит из финно-угорского и прибалтийско-финского пластов. Естественно, что развитие лексики (в том числе и значений слов) шло самостоятельным путем в каждом языке. Интересно отметить, что в карельском и финском языках имеются слова, общие по форме, но различные по значению: hajū (ливв.) 'ум' (финск. 'запах'); gupa (ливв.) 'неприхотливый в еде' (финск. 'некрасивый'); šuaḡna 'сказка' (финск. 'проповедь'); rogo 'щелок' (финск. 'пепел'); šuuvella 'сглазить' (финск. 'целовать'). В период самостоятельного развития карельского языка в нем появились такие слова, как tuhjo 'куст', p'ärie 'острый', kopittuo (ливв.) 'шагать', atkal 'скудно', og'hoi 'куманика', čakata 'ругать', soba (ливв.) 'одежда' (ед. ч.), vana 'низина'.

Особенно богато представлена в карельской речи фразеология, придающая ей образный и экспрессивный характер, например: hamrahan riäh rapna 'запомнить (букв.: «на кончик зуба положить»)», riäššä kynsistä 'освободиться (букв.: «вырваться из когтей）」, ritäy riänahka 'состариться (букв.: «износить кожу головы）」, ei läpšähä šankot vāhāššä kummašša 'не возьмется сразу (букв.: «не звякнут ведра при маленьком чуде）」.

Безусловно, богатство словообразовательных и выразительных возможностей карельского языка явилось одним из важнейших факторов создания неповторимого по своей красоте и глубине выражения народного эпоса «Калевала», который М. Горький ставил в один ряд с «Илиадой». Примечательно, что обогащение финского литературного языка проходило, в частности, через «Калевалу» — за счет восточно-карельских диалектов. Фактически почти вся калевальская лексика вошла в финский литературный язык.

О словарном богатстве карельского языка и его богатейших выразительных возможностях говорят, например, такие примечательные факты. В 20—30-х гг. XX в. финским ученым Э. Ахтия в небольшом регионе деревни Сязозеро была собрана картотека карельских слов объемом свыше 120 тысяч словарных карточек. В конце 30-х гг. в республике за короткое время из печати вышло свыше 200 произведений на карельском языке, в том числе переводы классиков русской литературы.

Одной из характерных черт звукового строя карельского языка является обильное употребление гласных по сравнению с согласными, что придает языку музыкальность. Карельский язык в этом отношении близок к финскому, в котором на 100 гласных употребляется 109 согласных; для сравнения можно сказать, что в венгерском языке на 100 гласных употребляется 111 согласных, во

французском — 116, в немецком — 164, а в датском — 176. Карельская речь своим звучанием пленяла людей, не владевших ею активно, а воспринимавших на слух. Современник и друг Пушкина поэт-декабрист Федор Глинка, отбывавший ссылку в Карелии в 20—30-е гг. XIX в., писал:

И сладок у лесной карелы
Ее бесписьменный язык...
И мне хотелось повторять их речь:
В ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы «л».

2. Взаимодействие с другими языками

Языки на земном шаре, как правило, развиваются не изолированно, а в контакте. Контактное взаимодействие языков ведет к их взаимодействию. Обычно легче всего заимствуется лексика. При длительных контактах могут заимствоваться и другие уровни языка (фонетический, морфологический, синтаксический).

Наиболее древними лексическими заимствованиями в карельском языке являются литво-латышские, или балтийские. Они проникли в прибалтийско-финскую речь в то время, когда карельский язык еще не выделился в самостоятельный, и поэтому литво-латышские заимствования распространены в той или иной степени во всех прибалтийско-финских языках. Всего их насчитывается около ста. Заимствованные слова свидетельствуют о том влиянии, которое оказывали древние литво-латыши на прибалтийских финнов. Это главным образом слова, относящиеся к технике, промыслам, природе (в широком смысле слова), к семейным отношениям и пр. Например: *kiŋveš* 'топор', *aisa* 'оглобля, дышло', *gataš* 'втулка колеса', *torvi* 'труба', *lohi* 'лосось', *villa* 'шерсть', *heimo* 'племя', *kaima* 'тезка', *tytär* 'дочь'.

Предполагают, что контакты между прибалтийскими финнами и литво-латышами происходили еще в I тысячелетии до нашей эры. Примерно на рубеже нашей эры в прибалтийско-финские языки начинают проникать германские заимствования. Германское влияние было более длительным, чем балтийское. Помимо слов, принадлежащих к тем же областям, что и слова литво-латышского происхождения, сюда можно причислить слова, относящиеся к мореходству, торговле, домашнему хозяйству и др.: *ualto* 'волна', *kana* 'курица', *valaš* 'кит', *lato* 'сарай', *late* 'пол', *paita* 'рубаха', *šukka* 'чулок, носок', *leipä* 'хлеб', *pullo* 'бутылка', *puotta* 'невод', *pelto* 'поле', *tuah* 'навоз', *puakla* 'гвоздь', *n'iekla* 'иглолка', *pallo* 'шар', *kulta* 'золото', *gauta* 'железо'.

На рубеже VIII—IX вв. прибалтийские финны вступили в контакт с восточными славянами. Правда, некоторые ученые считают, что эти контакты начались значительно раньше. Так, карелы называют Россию словом *Venäjä*, которое первоначально означало название одного из славянских племен — венедов, живших на Висле еще до VIII в. Уже в XI в. русские энергично продвигались на север, достигнув Кольского полуострова. Контакты между при-

балтийско-финскими и славянскими племенами, естественно, нашли свое отражение в лексике прибалтийско-финских языков, и в частности карельского. Поскольку процесс христианизации карел шел под влиянием русских, в карельском языке отложились термины христианской религии, например: *kuopa* 'кум, кума, крестный отец, крестная мать', *rakana* 'язычник', *rist'i* 'крест' и др. К русским заимствованиям можно отнести лексику из области ткачества, строительства, земледелия, домашнего хозяйства и др. Приведем примеры: *kuontalo* 'кудель', *palttina* 'холст', *värttinä* 'веретено', *šuaraš* 'сапог', *ikkuna* 'окно', *l'iävä* 'хлев', *talita* 'долото, стамеска', *čirppi* 'серп', *lusikka* 'ложка', *tavara* 'товар' и пр.

Большинство древних славянских заимствований распространено по всем прибалтийско-финским языкам.

Влияние восточнославянской речи сказалось не только в лексике, но и в фонетике и грамматике.

Поскольку карелы исторически тяготели к Русскому государству, взаимные контакты их с русскими осуществлялись как по официальным, так и по неофициальным каналам. Контакты по административно-государственной линии особенно оживились во время возвышения Новгорода. Многие исторические документы хорошо освещают этот период. К этому времени, как известно, русские осели на территории вокруг Онежского озера, по Карельскому и Терскому берегам Белого моря. Географическая близость карельских и русских поселений создавала хорошую основу для взаимных контактов; это нашло отражение в русских говорах Заонежья и Беломорья, где широко представлены заимствования из прибалтийско-финских (и особенно из карельского) языков. Прибалтийско-финская основа отразилась и в фонетике русских говоров Заонежья, в которых ударение падает на первый слог. Развитие письменности, грамотности явилось мощным дополнительным стимулом проникновения русских заимствований в карельский язык.

3. Письменные памятники

Письменные памятники, значение которых трудно переоценить, являются важнейшим источником для исследования истории языка. По археологическим памятникам мы можем довольно точно реконструировать быт древнего человека, его занятия, культуру. Но ни один из них не может сказать о принадлежности к тому или иному этносу — народу. Об этнической принадлежности археологических находок могут дать представление только письменные памятники. Поэтому вполне справедливой остается мысль, высказанная русским поэтом И. А. Буниным:

Молчат гробницы, мумии и кости.—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

Первые системы письма возникли в Египте и Средней Азии. Славянское письмо (кириллица) на Руси стало употребляться в X—XI вв. в связи с христианизацией. Однако какое-то письмо, возможно, применялось славянами уже и раньше.

Первым памятником письменности у финно-угорских народов является «Надгробная речь» (Halotti Beszéd). Памятник датируется концом XII в. и представляет собой свободный перевод с латинского на венгерский язык текста духовного содержания.

В 1951 г. при раскопках в Новгороде советским археологом А. В. Арциховским были найдены берестяные грамоты — открытие, ставшее сенсационным во всем мире. К настоящему времени найдено около 600 грамот. Ценность этих грамот заключается еще и в том, что они дают сведения, которые никогда не могли бы попасть ни в летописи, ни в акты, ни в церковные книги, т. е. в них описывается повседневная жизнь новгородцев с их делами и заботами.

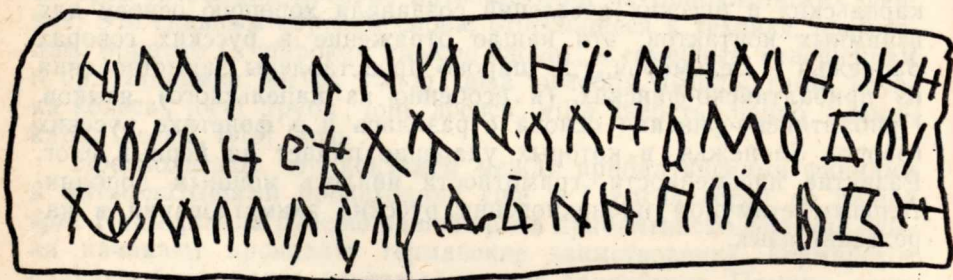
Среди прочих найдена грамота, представляющая связный карельский текст. Написанная кириллицей грамота воспроизводит текст заговора:

Юмалануоли 10 нимижи

Божья стрела (молния), десять
имен твоих.

Нуоли съ хан оли омо боу
Юмола соудњи иохови.

Стрела та она принадлежала богу,
Бог судный направляет.

Берестяная грамота на карельском языке

Во многих грамотах встречаются карельские географические названия и личные имена. «У Икагала у Кривца 3 кунице, — говорится в тексте грамоты № 278, — у Иголай дове и в Лайдиколе полорубля и 2 кунице. У Лейнуя в Лайдиколе 6 бел. У Филипа у деяка 30 бел. У Захарии и в Калиница полосорока и 5 и 5 бел. У Сидуя у Авиници 4 куници. У Миките Истовной у Еванова 6 куници. У Муномела в Куроле у Игалина брата полорубля и 2 куници. У Лег...» Записка представляет собой список повинностей. Упомянутые в списке белы и куницы говорят о незнании денег в то время. Как видно, большинство имен в записке карельские: Икогал, Иголай, Лейнуя, Сидуй, Муномел, Игалин брат. Названия населенных пунктов — Лайдикола, Курола — тоже ка-

рельские. Всего найдено восемь берестяных грамот, в которых встречаются карельские наименования людей и деревень. Две из них (№ 292 и № 403) содержат связный текст. Все указанные грамоты датируются XIII—XIV вв.

Первые карельские слова в собственно письменных источниках известны с начала XIV в. Значительное число топонимических названий карельского происхождения встречается в тексте Ореховецкого мирного договора (1323 г.), например: Севилакша, Яскы, Огреба, Лембо, Пехкси, Кангасъерви, Сергилакши, Кореломкошки, Колемакошки и др. Целый ряд карельских географических названий и личных имен встречается в «Переписной окладной книге по Новгороду Вотцкой пятины 7008 года» (1500 год по новому летоисчислению), а также в «Писцовых книгах Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.».

Несомненный интерес для истории карельского языка представляют собой русско-карельские словарные записи XVII—начала XVIII в. Первая из записей сохранилась в одном из списков так называемого «Азбучного (Алфавитного) патерика» библиотеки Соловецкого монастыря и датируется серединой XVII в. Вторая запись из рукописных сборников собрания П. П. Вяземского может быть датирована началом XVIII в. Наиболее крупным по объему является текстовый памятник, так называемые «Десять людиковских заговоров». Они зафиксированы в рукописном сборнике начала XVIII в. К письменным памятникам карельского языка следует отнести перевод Евангелия от Матфея — «Герран мянь Шюндю руõхтынан святой Ювангели Матвейста» (Пийтери, 1820), изданный в Петербурге, а также евангелия от Марка.

В 1786 г. в связи с выходом в свет словаря П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий» появляется первый наиболее значительный в то время список карельских слов (273 слова и числительные 1—10, 100 и 1000).

В настоящее время карельский язык не имеет письменности и служит средством общения в основном в сельской местности (в семье, бригаде, совхозе). Карельский язык, однако, является не только средством общения.

Язык — это выражение духовной жизни народа и первоначальный элемент культуры. В карельском языке запечатлелся весь многовековой путь развития материальной и духовной жизни карельского народа. Выразительные возможности языка позволили создать бесценные памятники народного творчества — сказки, песни, причитания, загадки, прибаутки и главное — национальный эпос «Калевалу», т. е. все то, что называют духовной культурой народа.